

СВЕРХНОВАЯ
ФАНТАСТИКА

ЕВГЕНИЙ
ПРОШКИН

В РЕЖИМЕ
БОГА

ЯУЗА-КАТАЛОГ

МОСКВА

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П84

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *А. Саловьева*

Прошкин, Евгений Александрович.

П84 В режиме бога / Евгений Прошкин. — Москва :
Яуза-каталог, 2017. — 416 с. — (Сверхновая фанта-
стика).

ISBN 978-5-906716-62-0

Виктор Сигалов пишет морфоскрипты — интерактивные сны, заменившие людям игры, кино и книги. Как все авторы, он считает себя гением и втайне мечтает создать виртуальную реальность, равную реальному миру. Неожиданно Виктор получает новый заказ: корпорация, о которой он прежде не слышал, просит его протестировать сложный морфоскрипт. Изучив чужой сценарий, Сигалов обнаруживает, что неизвестный автор сумел воплотить его мечту — интерактивный сон показывает настоящую жизнь, опережающую реальный мир на несколько дней, и предсказывает, что Земле грозит какая-то глобальная катастрофа. Чтобы предотвратить беду, Виктору нужно разыскать настоящего автора. Но как это сделать, если в реальном мире он не существует?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906716-62-0

© Прошкин Е. А., 2017
© ООО «Яуза-каталог», 2017

ЭПИЗОД 1

а стене висело ружье, в углу под нереально разросшимся фикусом стоял поцарапанный белый рояль. За мутным окном то и дело проезжали трамваи — почти беззвучно, но с такой мощной вибрацией, что поднывала печень. Солнце светило ярко и зло. В воздухе витали пылинки, особенно заметно они кружились вокруг голой лампочки, свисавшей с потолка на длинном кривом шнуре.

Виктор в который раз оглядел комнату: старая тахта, ружье на стене и вот, рояль до кучи. Лёха Шагов корчил из себя постмодерниста, но кому он собирался всё это продавать, он не знал и сам.

Виктор потянулся к ружью.

— Не заряжено, можешь взять. — Алексей нетерпеливо пошевелился в кресле, которого еще минуту назад тут, кажется, не было.

Потеряв к ружью интерес, Виктор отошел от стены и присел на тахту.

— А рояль-то зачем? — обреченно спросил он.

— Интерьер. — Шагов пожал плечами.

— И как он здесь оказался?

— Сосед отдал за ящик водки. Он сам не играет, слава богу. У него дед был композитором. Не очень известным. Не то чтобы каким-нибудь там Моцартом.

— Это можно не объяснять, — заметил Виктор. — Будь он внуком Моцарта, я бы удивился.

— Не Моцарт, конечно. А этот, как его... Лист... Лист...

— Ференц Лист? — Виктор все-таки удивился.

— Да нет. Лист... Листопадов, вот! — вспомнил Алексей.

— Слушай, какая мне разница, как звали дедушку соседа?

— Не знаю. Ты спросил, я ответил.

— Плохо, дружище, — мрачно произнес Виктор. — Плохо.

— Что конкретно?

— Всё. Ружье, рояль, фикус. Всё это похоже на зубную боль.

Под окном опять проехал трамвай, и Виктор поморщился.

— Я не чувствую мотивации, не вижу драйверов, — продолжал он. — Пружины в тахте вбиваются отлично. И пыль тоже. Я такой пыли нигде не видал. Это комплимент, если что.

— Я понял. — Алексей настороженно кивнул.

— Но кроме пыли и пружин... и вот этого идиотского фикуса... я уж не говорю про рояль. Здесь же ничего нет!

— Ну ясно, ясно. На стене должна висеть не двустволка, а что-нибудь покруче — бензопила или катана. А на диване должна лежать голая баба. Или труп. В идеале — труп голой бабы, наверно. Или лучше парочка?

— Ты, когда злишься, Лёх, таким дураком становишься... — Виктор коротко взмахнул рукой, словно в заведомо провальной попытке отогнать голодного комара, и посмотрел вверх.

Судя по всему, потолок Алексей скопировал прямо отсюда, из своей квартиры: высокий, без единой трещинки, но с заметной пылью на гипсовых завитках. От этого Виктор на мгновение впал в тоску. Ему вдруг почудилось, что ничего не изменилось, что скрипт не выгрузился и в тусклом Лёхином креативе ему придется проторчать еще бог знает сколько времени. Впрочем, стоило отвести взгляд, как наваждение прошло. Окно раздалось вверх и вширь, а стекло сделалось идеально прозрачным: даже с высоты двадцать шестого этажа пештота улицы прорисовывалась до мельчайших деталей. Рояль, понятное дело, исчез, на его месте появился рабочий стол, а вот растение осталось, хотя и не такое мощное, как в бреду, сочиненном Алексеем.

Ни самурайского меча, ни тем более бензопилы на стене тоже не было, там висел постер бестселлера «Оку-нись в Ад» с фантастической брюнеткой, одетой лишь в меховые унты и патронташ. Несоразмерно крупные патроны прикрывали всё то, что не должны были видеть школьники, но левая рука воительницы лежала на поясе так, словно она вот-вот собиралась от него избавиться — сразу, как только пытливый подросток доберется до родительской кредитки и оплатит доступ к «Аду». В правой руке девушка сжимала заиндевевший гипер-трофированный ствол, аккурат под огромные патроны: чудовищный гибрид помпового ружья и, пожалуй, гаубицы. Обнажение брюнетки казалось особенно неотвратительным из-за огромных сугробов у нее за спиной. Снег был черным, и небо тоже было черным, и вообще всё вокруг было того же самого цвета. Художникам пришлось потрудиться, подбирая пятьсот пятьдесят пять оттенков черного, чтобы постер выглядел одновременно и мрачным, и ярким. Но глаза у девушки получились отлично, тут нужно было отдать должное: из-под длинных

ресниц с налипшими снежинками смотрела и звала настоящая бездна. У ног роковой красавицы покорно сидели два одинаковых боевитых волка в стальных масках, посеченных глубокими царапинами от касательных попаданий. Плакат был образцом чистого, незамутненного китча, поэтому он здесь и висел. Таков уж был Лёха Шаггов: потешался над мультимедийным бизнесом, презирал его всеми фибрами, но втайне мечтал в него встроиться, да еще и надеялся при этом остаться самим собой.

— Ничего не получится, — подытожил Виктор.

Он аккуратно снял с головы эластичный обруч, отнес его к столу и вдруг заметил книгу. Книга была настоящей, бумажной. «Как стать успешным морфоскриптером. 12 уроков от автора мировых бестселлеров».

Живой бумаги, за исключением туалетной, Виктор не держал в руках уже очень давно, но фальшивого чувства ностальгии, которое порой симулировали коллеги, он не испытывал. Книжки вызывали у него скорее любопытство, чем трепет. Так относились нормальные люди к первым паровым двигателям.

Виктор перелистал учебник, но, наткнувшись на слово «антагонист», без сожаления захлопнул книжку и бросил ее обратно на стол.

— Не забивай себе голову, — посоветовал он. — Живешь как сыр в масле. Зачем тебе всё это?

— Ты не первый раз спрашиваешь. — Алексей тоже снял свой обруч и теперь пытался крутить гаджет на пальце, раздражающе сбиваясь с ритма.

— Так ведь и ты не в первый раз меня зовешь свои поделки смотреть. Заготовки, точнее. До поделок им еще далеко. Здесь нечего доводить до ума, здесь все изначально криво, неправильно.

— Извини... потратил твоё время... — Голос товарища стал таким холодным, что, казалось, еще немного, и он укажет на дверь. — Могу заплатить за бета-тестинг.

— Во-от. Ты можешь меня нанять, а я тебя не могу, денег не хватит. И всё равно ты рвешься на моё место. Зачем? Вдохновение замучило? Оно проходит сразу, как только начинаешь сочинять на заказ. Если нейдет, твори для себя. Маленькие скрипты на два-три хода — этого достаточно, чтобы выпустить пар. Работать в коммерческом формате не обязательно. Работать! — страдальчески повторил Виктор. — Вот во что ты пытаешься впрячься.

— Я и без этого нормально зарабатываю, — подтвердил Шагов. — А через скрипт я хочу донести... — Он предсказуемо замялся. — Ну, мысли свои донести. Свое отношение к жизни.

— И кому это надо?

— Мне.

Виктор с тоской уставился на постер к «Аду», но всё интересное там по-прежнему было скрыто за широким патронташем.

— Тащи сюда мой гонорар, — вздохнул он.

Когда Алексей вышел из комнаты, Виктор отвернулся к окну и, заложив руки за спину, стукнулся лбом в стекло. С Лёхой они дружили еще со школы, и при неизбежном цинизме столь долгих отношений отказать ему Виктор не мог. В итоге каждый раз, когда Алексей креативил очередной морфоскрипт — вернее, очередной нелепый набросок без конца и начала, без какого-либо намека на смысл, — каждый раз Виктор приезжал в гости и с отвращением тестировал новый интеллектуальный продукт. Это было похоже на бесконечную дегустацию пирожков разной формы, состряпанных из одной и той же глины. Виктор надеялся, что когда-нибудь Лёхе надоедет и он найдет себе хобби поинтересней, хотя за последнюю пару лет эта надежда заметно потратилась. Шагов продолжал сочинять, Виктор продолжал приезжать и объяснять. Других общих интересов у них уже

не осталось. Проектировщик информационных сетей и профессиональный морфоскриптер — их давно ничего не связывало. Технар и гуманитарий, лед и пламень.

Виктор задумался, откуда могла быть эта цитата, но его отвлек появившийся в комнате Шагов. Квадратная бутылка «Джека Дэниэлса», два широких стакана и тарелка с парой порезанных яблок — традиционный маггарыч Алексей нес, как всегда, сноровисто и, как всегда, искал глазами, где бы расположиться, хотя, кроме стола, вариантов не было. Виктор невольно отметил, что даже этот момент в их общении повторяется из раза в раз: хозяин заносит выпивку, и поскольку руки у него заняты, гость разгребает на столе хлам, освобождая место.

«А вот был бы здесь вправду рояль... Бутылка «Джека» на белом рояле — это в высшей степени стильно», — мелькнула у Виктора странная мысль.

Вслух он, однако, сказал другое:

— Что у тебя за окном?

— Реальность, — с сарказмом ответил Шагов.

— Я про дамочку с телескопом.

Алексей вдруг смутился, точно кто-то посторонний заглянул в его личный дневник. Чтобы скрыть замешательство, он открутил пробку и плеснул виски по стаканам.

— Что за баба? — повторил Виктор.

— Ну, баба и баба... — Шагов неопределенно мотнул головой. — Мальвина.

— Вы знакомы?

— Нет, конечно.

— Та-ак... — Виктор взял стакан и заинтересованно вернулся к окну. — В доме напротив живет самка, подсматривающая за тобой в телескоп, а ты, вместо того чтобы выяснить её адрес и предложить ей что-нибудь логичное... придумываешь для неё сказочное имя. Гениально. Тебе что, через дорогу перейти лень?

— Это всё не так просто, — отмахнулся Шагов. — Забудь. Как ты её вообще разглядел-то? Сволочь глазастая.

— За знакомство! — Виктор отсалютовал женщине стаканом и выпил.

Заметила ли она его жест, было неясно: здания разделяло более сотни метров, и даже пол наблюдательницы Виктор угадал лишь по фигуре. О том, чтобы разобрать черты лица, не могло быть и речи.

— А твой телескоп где? — оживился он.

— У меня нет, — сказал Алексей.

— Хорош врать! Неси давай.

— Собирался купить. Когда её увидел, это было первым, что пришло в голову. Только я не телескоп хотел, а бинокль. Потом передумал. Не хочу выяснять, за кем она наблюдает.

— Боишься обнаружить, что ты не интересен какой-то иллюзорной Мальвине? Если выяснится, что она подсматривает не за тобой, а за соседом, тебя это ранит?

— У меня слишком скучная жизнь. Работа, сон, работа. Никакой интриги.

— Ой, Лёха, как же это знакомо... Игла мужика — его самолюбие, а игла всегда в яйце, поэтому мы их так бережем. — Виктор поднял стакан. — За нас, социопатов!

Алексей выпил маленькими глотками и медленно выдохнул. Виктор закинул в рот дольку яблока и вновь уставился в окно.

— Жениться не пробовал? — спросил он, не оборачиваясь.

— Заработаю миллион и сразу женюсь, — ответил Шагов таким тоном, что нельзя было понять, шутит он или нет. — Ну, а ты?

— Креативлю что-нибудь бессмертное, получу миллионов десять... И тоже. Сразу же.

— Десять?

— Бывают и такие гонорары. Не у меня. Но, в принципе, бывают.

— И за что у вас платят десять миллионов?

Виктор отметил это «у вас» и удовлетворенно покинул. Похоже, опасения были напрасны, и Алексей всё же не стремился превратить хобби в работу. С его стороны это было более чем разумно.

— За взрыв рынка, — после паузы ответил Виктор. — За то, что люди крутят твой скрипт месяцами, покупают футболки, бейсболки, постеры. — Он ткнул большим пальцем за спину, указывая на плакат «Ада». — Потом покупают апдейт, и снова крутят, и снова покупают: рюкзаки, очки, кеды, целые серии кружек... Ты, кстати, наливай, наливай. Пока не допьём, не уйду.

— Это я знаю, — покорно отозвался Шагов.

Он взял бутылку и встал рядом с товарищем, так же пристально глядя на едва различимую вдалеке Мальвину.

— И что нужно сделать, чтобы взорвать рынок?

— У тебя же есть учебник, — усмехнулся Виктор. — Штудируй.

— Фуфло все эти учебники.

— Вот и я о том же. Это нельзя объяснить. Даже унылый интерьер с бредовым роялем могут скреативить многие. Поэтому какие-то способности у тебя, конечно, есть. Вот только развивать их не нужно. Это несчастливая жизнь. В следующий раз приеду с биноклем, — неожиданно заявил Виктор. — Надо разобраться, что там за Мальвина такая.

— Следующего раза не будет.

— Ты это уже говорил.

— Сочинять я не перестану, я просто не буду тебе больше ничего показывать.

Виктор озадаченно покосился на друга.

— Нашел я тут кое-кого. — Алексей снова налил, теперь по полному стакану, и это выглядело как прощание. — Хватит тебя мучить, отдыхай.

— Да ты не особо-то и мучаешь. Если ноль семь тебе не по карману, я согласен на пол-литра, — пошутил Виктор. — Всё равно половину сам выпиваешь.

— С тобой у нас одни разговоры, — серьезно ответил Шагов. — Лучше заплатить и получить хороший совет от чужого человека, чем от тебя — бесплатно и ничего.

Виктор хотел оскорбленно поставить стакан на стол, но вместо этого выпил — одним махом. Алексей со своей порцией виски поступил точно так же и, отдышавшись, сказал:

— Ты же сам велел мне завязывать с этим. Считай, что я завязал. На этом всё, Витя.

— Как-то не по-людски выходит... — выдавил тот.

— Надоело чувствовать себя убогим.

Шагов хмелел на глазах. Бутылку «Джека Дэниэлса» он осторожно поставил на пол и, выпрямляясь, пошатнулся.

— Как будто я в чем-то виноват перед тобой, — проговорил он, гулко постукивая кулаком в оконное стекло. — Перед тобой лично как будто. Прямо вот виноват. А ты, такой гуру, снисходишь... с вершин своих... чтобы по щеке меня, дурачка, похлопать.

— Лёха, ты что несешь-то?..

— Сам весь такой гений, ага! — Алексей, заводясь, перешел на крик. — Автор бестселлеров, едренать! Куда уж мне до твоих талантов!

Он неуверенно нагнулся, цапнул бутылку за горлышко, коротко к нему приложился и протянул товарищу:

— На посошок!

Виктор скрестил руки на груди и демонстративно отвернулся к стене. Первой мыслью было оставить вне-

запно поплывшего друга наедине с его истерикой. Позволить выговориться в пустоту, проспаться и хмурым утром всё осознать. Однако Виктор не уходил, что-то ему подсказывало: если расстаться вот так, то отношения могут уже и не наладиться. Терять Шагова навсегда ему не хотелось. И кроме того, он начал тревожиться за Лёху: уж больно быстро тот окосел.

— Пей, я сказал! — рывкнул за спиной Алексей. Он закашлялся, и у него из горла вырвался хриплый визг: — Пей, сука!

Виктор таращился на постер со слабо одетой женщиной и лишь постукивал пяткой по паркету. Теперь он точно не мог уйти.

Он не заметил, в какой момент это произошло: к патронташу, от которого трудно было оторвать взгляд, вдруг приклеилась размашистая бурая клякса. Шагов как раз начинал очередную тираду, но резко умолк, и это не было похоже на новый спазм в горле. Зато клякса... она чудовищно напоминала то, что Виктор тысячу раз видел в чужих скриптах и десятки раз сочинял сам, неизменно размышляя, должен ли клочок волос прилипнуть к стене намертво, или его потащит вниз.

Клок волос медленно сползал по плакату, оставляя на глянцево́й поверхности красный шлейф.

Спустя мгновение Алексей раскинул руки и рухнул на пол. Встретившись с паркетом, квадратная бутылка глухо лопнула и разлетелась по комнате веером мелких осколков. Из разжавшегося Лёхиного кулака выпало уцелевшее горлышко и с дробным цокотом подкатилось к Виктору — это его и отрезвило.

Он суматошно огляделся. Взгляд выхватил на стекле круглое отверстие в тонких лучиках трещин. Виктор бросился на пол и, вляпавшись ладонью во что-то вязкое, зажмурился от ужаса. Выстрел в окно, кровавое

пятно на плакате, упавший Лёха — кто мог подумать об этом еще минуту назад...

Виктор открыл глаза. Лицо Шагова оказалось совсем близко, сантиметрах в пятнадцати. Алексей со злой пьяной улыбкой продолжал смотреть вперед, куда-то сквозь Виктора. Вокруг щеки, плотно прижатой к паркету, наплывала густая кровь.

Из-за огромного окна с низким подоконником вся комната была у снайпера как на ладони. Алексей не то чтобы сознательно стремился к минимализму, он просто не понимал, что такое уют. В кабинете ему хватало стола и пары кресел, остальное было развешено по стенам — большой монитор, несколько узких полок, даже фикус у Шагова не стоял на полу, а свисал с потолка. В итоге всё помещение простреливалось — Виктор отметил это без отчаяния, скорее деловито, словно речь шла о каком-то второстепенном персонаже скрипта, а не о его собственной жизни.

Сожалея, что в кабинете нет дивана из недоделанного Лёхиного креатива, он начал медленно отползать к кухне. От двери его отделяли два метра открытого пространства, преодолеть которые можно было за мгновение — если не замешкаться и не споткнуться, — а уж на кухне всегда найдется, где спрятаться. Решившись на бросок, Виктор оттолкнулся от пола, когда за стенкой вдруг прогремел взрыв. Это было так неожиданно, что он вновь распластался по паркету и закрыл глаза — на большее у него не осталось сил.

Шорох мягких подошв — где-то в прихожей, затем на кухне, затем в кабинете — звучал как нарастающий листопад. Внезапно он прекратился, и Виктор почувствовал у себя на шее чье-то прикосновение.

— Этот жив!

— Этот мертв! — доложили рядом.